

УДК 811.512.1452 33

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В СО- ВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л.И.

В статье исследуются теоретические вопросы, касающиеся прошедшего времени глагола изъявительного наклонения современного крымскотатарского языка. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре и семантике систему.

Установлено, что формы прошедшего времени образуют две группы, объединенные формой и общей семой – обозначение прошедшего времени: две синтетические и девятнадцать аналитических форм. Таким образом, в современном крымскотатарском языке насчитывается 21 форма прошедшего времени. Все они с разной степенью употребительности функционируют в современном языке.

Ключевые слова: морфология, глагол, семантика, прошедшее время глагола, крымскотатарский язык.

Еще Аристотель выделял время как характерную особенность глагола в отличие от имени. Глагольное время обычно определяется лингвистами как «грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении. Эта локализация является дейктической, т.е. соотношенной прямо или косвенно с реальным или воображаемым *hic et nunc* ‘здесь и теперь’. Она заключается в указании посредством противопоставленных друг другу временных форм (глагольных времен) на одновременность, предшествование или следование события моменту речи или в случае так называемой относительной временной ориентации – какой-то другой точке отсчета» [10, с. 297-337]. Таким образом, **целью** нашего исследования является изучение прошедшего времени глагола изъявительного наклонения в современном крымскотатарском языке.

Как и в некоторых языках мира, формы времени в крымскотатарском языке могут указывать и на временную дистанцию: близость или отдаленность события. При этом локализация, даваемая категорией времени, может сочетаться с более детальным указанием времени при помощи лексических и синтак-

сических средств: обстоятельственных конструкций, придаточных предложений и оборотов, соответствующих наречий, послелогов, союзов и т.д.

В крымскотатарском языке, как и в других тюркских языках, грамматическая категория наклонения, как известно, выражает отношение действия глагола к действительности. Категория наклонения в нем, как правило, выражается специальными грамматическими формами, однако, бывают исключения. Подобным «исключением» является выделение изъявительного наклонения, которое само по себе не имеет специальной формы выражения, в отличие, например, от условного, повелительного наклонения и т.д. Таким образом, в противопоставлении различных категорий наклонения важное значение имеет индивидуализированный семантический признак.

Изъявительное наклонение глагола обычно выражает действие, которое для коммуникантов представляется как реальное, происходящее в действительности, в прошлом, настоящем и будущем в отношении к моменту речи. Формальным отличием изъявительного наклонения при противопоставлении его другим – «косвенным» наклонениям, является отсутствие у него специального грамматического показателя, который бы являлся общим для всех форм времен. С этим связано и рассмотрение некоторыми учеными его как «нулевого» наклонения, которое семантически служит для простой констатации положительного, отрицательного действий в прошлом, настоящем и будущем.

В этом наклонении действие, как правило, лишено эмоционально–волевого отношения субъекта к действию, основное значение наклонения проявляется в нейтральном контексте. Основным содержанием изъявительного наклонения принято считать выражение действия, не осложненного никакими модальными и аспектуальными оттенками. «Однако для тюркских языков это положение можно считать лишь условным, поскольку в них значение временных форм индикатива, как правило, бывает осложнено теми или иными модальными и аспектуальными оттенками. Кроме того, формы данного наклонения нередко сопровождаются модальными словами и послелогам, выражающими различные оттенки, или весь контекст подсказывает ирреальность заключенного во временных формах действия» [23, с. 10].

Изъявительное наклонение отличается от всех других форм наклонений многообразием форм времен и богатством их семантики.

При этом каждому из показателей времени изъявительного наклонения присущи индивидуальная форма и индивидуальная семантика, противопоставленные другим формам. К специальным морфологическим средствам форм времен относятся аффиксы времени, лица, числа, а также типы глагольных основ, к которым присоединяются упомянутые аффиксы.

В отношении форм времен изъявительного наклонения уместно привести высказывание выдающегося лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта: «Пути, отходящие в сторону от единственного, предписанного полностью закономерной необходимостью, могут быть бесконечно разнообразными. Поэтому языки, идущие этими путями, не могут быть подвержены исчерпывающей классификации в лучшем случае их можно сопоставлять по сходствам в главнейших особенностях их строения (данное высказывание применимо и в отношении к тюркским языкам, в семье которых крымскотатарский язык занимает свое место как один из типичных языков – Б.Л.). Это соображение даже при сравнении самых разнообразных языков позволяет найти общий масштаб их отношений к духовному развитию» [6, с. 232]. Сопоставление уровня развития грамматического строя современного крымскотатарского языка с другими языками показывает высокое духовное развитие его носителей.

Глагольные временные формы обычно определяются как «структурные морфологические единицы, в значениях которых отражены и закреплены временные отношения, в которые вступают процессы (действия)» [5, с. 66].

Наблюдается взаимосвязь разных форм времен изъявительного наклонения. Например, для выражения прошедшего действия в контекстах при определенных ситуациях могут употребляться и формы других времен.

Формы глагольных времен формировались в течение долгой истории функционирования тюркских языков. «Формы глагольных времен в тюркских языках уже с древнейших памятников предстают разветвленной системой, различающей три неотносительных, или абсолютных, времен – настоящее, прошедшее и будущее и ряд относительных» [18, с. 368].

В современном крымскотатарском языке, как и в других языках мира, глагольные времена, при их прямом употреблении, определяют событие непосредственно по отношению к моменту речи как: одновременное – настоящее время, предшествующее – прошедшее время или последующее – будущее время. При относительном употреблении, например, в придаточных предложениях и оборотах, зависящих от семантики глаголов, мысли, чувства и речи событие обычно ориентировано по отношению ко времени действия главного предложения: *Сен менден оны тутуип алмакъ ичюн къыздырылгъан демирнен джезаласанъ да, мен оны санъа бермез эдим.* ‘Даже если бы ты наказал меня раскаленным железом, чтобы отобрать её у меня, всё равно я тебе её не отдал бы’.

В крымскотатарском языке существуют также специальные «относительные» времена, в частности, – среди форм прошедшего времени, дающие сложную, ступенчатую ориентацию, т.е. ориентирующие событие по отношению к какой-либо точке отсчета, локализуемой, в свою очередь, относительно момента речи. Таковы, например, формы на *-гъан эди* – «время предшества».

форма на *-ды*, – «перфект», занимающая в системе относительных времен особое место; «времена следования», например, будущее в прошедшем и времена, совмещающие следование и предшествование. Можно также выделить «времена одновременности», например, как «прошедшее одновременности» («настоящее в прошедшем») с глаголами состояния *ол* (*будь*), *тур* (*встань*), *юр* (*иди*) и т.д. Кстати, следует отметить, что термины «перфект», «имперфект» и некоторые другие, идущие от индоевропейистики и механически используемые в отношении форм времен тюркских языков, к тюркским языкам не всегда применимы, поскольку, в тюркских языках отсутствует категория вида, свойственная индоевропейским языкам.

Особый случай в строе глагола крымскотатарского языка представляет переносное, метафорическое употребление времен – возникающие синтагматические семы, когда говорящий мысленно переносится в другой временной план, он как бы заново «проигрывает» прошлые события, по семантике некоторые формы соответствуют так называемому «историческому настоящему», например, в предложении: *О заман Эльвина шеэрге кельген эди...* ‘Тогда (в то время) Эльвина приезжала в город’; или предвосхищая будущее событие в эмоциональной речи в предложении, где глагол выражен формой прошедшего времени: *Кеттик! Ольдим!* ‘Пошли! Умру!’ – в форме прошедшего времени выражены будущие действия.

В непредикативных формах глагола (вербоидах) выступает, как правило, относительная ориентация – на время существования ситуации, описываемой сказуемым соответствующего предложения. Например, деепричастные формы и формы на *-гъанда*, которые указывают на одновременность сопутствующего действия главному *Исмаил кельгенде, мен эвде эдим*. ‘Когда пришел Исмаил, я был дома’; либо на его предшествование. *Сагълыкълашып, о, эвге кеткен эди*. ‘Попрощавшись, он пошел домой’ и на наличие состояния результата. *Къамбырайып отурды*. ‘Сидел сгорбившись’. «Значения одновременности, предшествования и следования действий и др. временные отношения между действиями, выражаемые глагольными формами, некоторыми языковедами выделяются в особую языковую категорию – таксис» [12, с. 89].

Средства выражения категории времени в крымскотатарском языке, как и в других языках мира, имеют большое разнообразие. Иногда в крымскотатарском языке используются на равных правах синтетические и аналитические формы, хотя по некоторым семам они различаются. Например, формы *окугъаным – окугъан эдим* (читал), относящиеся к формам одного грамматического времени, семантически различны.

В крымскотатарском языке категория времени не имеет зависимой связи с категорией вида, поскольку последней в таком представлении, как в индо-

европейских языках нет. Способы протекания действия, широко распространенные в крымскотатарском языке, которых некоторые тюркологи относят к категории вида, не ограничены с определенными формами времени: *шилел башила-ды* 'он начал работать', *башила-дэжакъ* 'он начнет работать' и т.д.

Категория времени и в крымскотатарском языке тесно связана с категорией наклонения, что иногда может вызывать затруднения в ее выделении. Несомненно и то, что в крымскотатарском языке главным наклонением, в котором широко развита система времен, является изъявительное наклонение. А в других – «косвенных» наклонениях противопоставление времен отсутствует или сведено к минимуму.

Крымскотатарский язык относится к типу языков, в которых имеется в наличии несколько отдельных времен в рамках прошедшего, а иногда также в рамках настоящего и будущего. Это обусловлено не только наличием относительных времен, но и существованием между соответствующими формами смысловых различий, относящихся к области аспектуальных в тюркологическом понимании значений. Яркая модальная окрашенность ряда форм времен, и особенно будущего в прошедшем, побуждает некоторых ученых исключать эти формы из категории времени и относить их к категории наклонения. В крымскотатарском языке имеются немало модально окрашенных времен, которые занимают свое определенное место в его грамматическом строе.

Привлечение сравнительных данных по неиндоевропейским языкам мира показывает, что в крымскотатарском, как и в других тюркских языках, время и наклонение выступают в нерасчлененном единстве.

В индоевропейских языках «перфект» выражает значение законченного действия, предшествующего «точке отсчета», а «имперфект» – значение незаконченного действия, одновременного точке отсчета. Часто употребляемые в тюркологии латинские термины, вполне применимые к индоевропейским языкам, не всегда подходят к тюркским языкам, в которых нет четко выраженной категории вида, свойственной индоевропейским языкам: в индоевропейских языках *perfectum* – совершенный, *imperfectum* – несовершенный вид.

Прошедшее время изъявительного наклонения среди других времен обладает самым большим количеством форм для выражения и богатой семантической палитрой.

Прошедшее время (в лингвистике для его обозначения часто используется латинский термин «претерит» – *Praeteritum*) обычно определяется как «форма финитного глагола, указывающая, что ситуация, о которой говорится в предложении, предшествует моменту речи или другому моменту, мысленно приравняемому к моменту речи» [12, с. 403]. «Другой момент» может быть отнесен к прошлому или к будущему от момента речи.

«В языках, имеющих наряду с абсолютными временами также и относительные, система граммем организуется таким образом, что в каждой из сфер абсолютного времени подсистема относительных времен как бы дублирует всю систему в целом. Например, в сфере прошедшего помимо прошедшего абсолютного (претерита) могут быть представлены следующие прошедшие относительные: настоящее в прошедшем (имперфект), прошедшее в прошедшем, или предпрошедшее (плюсквамперфект), и будущее в прошедшем» [18, с.368].

Семантические взаимоотношения в формах прошедшего времени носят сложный характер.

В сфере прошедшего времени «будущее в прошедшем, а также настоящее в прошедшем строятся как аналитические (лишь впоследствии – как сложные синтетические) формы на основе сочетания настоящего общего с прошедшим общим. Преднастоящее в прошедшем (предпрошедшее), как и остальные прошедшие относительные, везде имеет составной характер, соединяя перфект с прошедшим общим. Следовательно, лишь прошедшее общее оказывается исконным в данной подсистеме, а все прошедшие относительные времена предстают вторичными образованиями на базе прошедшего общего как результат переноса в сферу прошедшего подсистемы настоящих времен.

Для крымскотатарского языка также свойственно наличие подчиненных подразделений времени, обозначающие «моментов, предшествующих другому моменту или следующих за другим моментом (в прошедшем или будущем), который может быть либо упомянут, либо подразумеваться в соответствующем предложении» [10, с. 306]. В крымскотатарском языке это – аналитические формы, что свидетельствует о более позднем происхождении подчиненных подразделений – в кыпчакский период. Например: до-прошедшее время *-гъан эди*, потребность в его обозначении встречается настолько часто, что крымскотатарский язык выработал для этого специальную форму – эту форму перфекта прошедшего времени. Послепрошедшее время – *-аджакъ эди*, обычно это значение выражается глаголом со значением предначертания или долженствования. До-будущее прошедшее время на *-а эди*.

Временные формы в крымскотатарском языке иногда могут употребляться в невременном значении. «То, что обычно является грамматическим показателем временных отношений, может иногда употребляться для выражения других понятий. Так, например, будущее время часто употребляется для выражения предположения или догадки, относящейся к настоящему времени. Самым важным случаем невременного употребления форм прошедшего времени (претерита) является выражение нереальности или невозможности (в крымскотатарском это выражается аспектом отрицательным или невозможности). Такое употребление мы находим в предложениях, выражающих

желание, и в условных предложениях. Если мы хотим установить логическую связь между этим употреблением и нормальным временным употреблением претерита, мы можем сказать: связующее звено здесь заключается в том, что во всех этих случаях что-то отрицается в отношении настоящего времени» [10, с. 310]: *О заман онынъ парасы чокъ эди* 'в то время у него было много денег', *Онынъ парасы чокъ олса эди* 'если бы у него было много денег' и т.д. Эти предложения по значению противопоставлены обычному предложению *Онынъ парасы чокъ* 'у него много денег'.

Формы и значения прошедшего времени в крымскотатарском языке отличаются от других времен глагола многообразием функционирующих форм. События прошедшего времени имеют большое количество грамматических форм выражения. При свободной выборке примеров из литературы самое большое количество выпадает именно на прошедшее время. Это объясняется множеством и разнообразием по параметрам событий в прошлом по сравнению с настоящим и неизвестным будущим, множеством и разнообразием прошлого опыта, объективным многообразием действия и многообразием субъективной оценки этих действий говорящим.

В современном крымскотатарском языке по способу образования выделяются две группы форм прошедшего времени:

- 1) синтетические формы,
- 2) аналитические формы.

Группа прошедших синтетических времен включает две формы:

1. – *ды*;
2. – *гъан*.

Эти формы, образуемые посредством аффиксов, принято называть простыми формами.

В современном крымскотатарском языке широко развились аналитические формы глагола прошедшего времени. По своим выразительным возможностям они равноценны с остальными формами прошедшего времени и занимают в грамматической системе крымскотатарского языка важное место и имеют собственное содержание. Поэтому к аналитическим формам нельзя предъявлять «особые требования, отличные от тех, которым удовлетворяют обычные, так называемые простые формы» [20, с. 24].

Аналитические формы прошедшего времени образуются при помощи вспомогательных глаголов. В качестве аналитического элемента выступают две формы древнего тюркского глагола *эр-*, имеющего первоначальное значение 'быть', который, приняв две формы, в современных тюркских языках превратился во вспомогательные «недостаточные» (так называются они потому, что в отличие от полноценных глаголов не имеют полную парадигму измене-

ния по формам наклонений и времен) глаголы: *эди, экен*. При этом «вспомогательный глагол выполняет свою служебную функцию лишь в сочетании с определенным формативом предыдущего глагола, поэтому то значение, которое возникает в данном сочетании, неверно приписывать одному вспомогательному глаголу» [20, с. 19].

Аналитические конструкции *глагол+эди* и *глагол+экен*, а также *имя+эди* и *имя+экен*, возникшие в пракыпчакскую эпоху, исторически представляющие собой полноценные синтаксические сочетания с определенными значениями, в современном крымскотатарском языке грамматикализовались и стали показателями форм прошедшего времени.

Группа аналитических прошедших времен – сложные формы включает девятнадцать форм. Они образуют две подгруппы:

а) образуемые посредством служебного глагола *эди*: *-гъан эди, -а эди, -р эди, -джакъ эди, -макъта эди; имена и предикативы+эди*;

б) образуемые посредством служебного глагола *экен*: *-гъан экен, -а экен, -ар экен, -аджакъ экен; имена и предикативы+экен*. По сравнению с первой группой здесь отсутствует сочетание вспомогательного глагола *экен* с формой на *-макъта*: *макъта экен*. Возможно, это объясняется относительной новизной самой формы на *-макъта* в крымскотатарском языке.

В двух аналитических формах прошедшего времени одним из формообразующих элементов выступает аффикс *-гъан*. Помимо него в образовании форм аналитических времен для выражения значения прошедшего времени как главный структурный элемент участвуют глагольные формы, известные как формы настоящего и будущего времени: *-а, -макъта; -р, -джакъ*, а также имена существительные в основном и местном падежах, предикативы и имена прилагательные.

С развитием и разветвлением форм прошедшего времени в крымскотатарском языке стали более четко обозначаться формы, вступающие в оппозиции: завершенность/перфектность-незавершенность/имперфектность. Так, формы на *-ды, -гъан эди* наиболее четко выражают завершенность/перфектность действия, тогда как формы на *-гъан, -ар эди* выражают незавершенность/имперфектность.

Помимо выражения общего значения прошедшего к моменту речи действия, каждая из форм прошедшего времени имеет свои специфические семантические оттенки.

Глаголы в прошедшем времени функционируют в формах аспектов: положительный, отрицательный, возможности, невозможности и вопросительный, которые имеют свои грамматические показатели. Следует отметить, что все синтетические формы прошедшего времени могут изменяться

по формам всех аспектов, и не все аналитические формы имеют аспекты возможности и невозможности.

А.Н. Самойлович выделял в крымскотатарском языке два негативных аспекта, которые имеют соответствующие формы:

1) отрицание действия или состояния, которое выражается аффиксом – *ма/ме*, эту форму принято называть формой отрицательного аспекта;

2) невозможность действия или состояния, которая выражается сочетанием глагола в форма на *-а* с глаголом *-ал* в отрицательной форме – *алма-* [18, с. 58], эту форму принято называть формой отрицательного аспекта.

В крымскотатарском языке развилась группа прошедших длительных аналитических времен в которую входят формы на *-макъта эди, -а эди, -р эди*.

В результате исследования мы пришли к следующим **выводам**: за формами прошедшего времени закреплена также оценка событий и действий прошлого, например: добудущее, послебудущее событие, продолжительность, отдаленность, контактность, дистантность действия в отношении к моменту речи.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М.-Л., 1964. – С.15-23.
2. Баскаков Н.А. Тюркские языки. – М., 1960. – 27 с.
3. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969. – С.48-52.
4. Вопросы грамматики тюркских языков. – Алма – Ата . 1969. – 24 с.
5. Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения. Глагол. – Л., 1990. – 66 с.
6. Гумбольдт В. Ф. Избранные труды. – М., 1984. – 232 с.
7. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 91 – 97.
8. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М.-Л., 1948. – 157 с.
9. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.-Л., Изд-во АН СССР. 1940. – 62 с.
10. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с английского. – М., 1958. – С.297-337.
11. Кононов А.Н. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. //Тюркологический сборник. – Т I. – М., 1951. – 24 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь – М., 1990. – 89 с.
13. Меметов А. М. Лексикология современного крымскотатарского языка. – Симферополь. 2000. – 314 с.
14. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь, 2003. – 288 с.
15. Мусаев К.М., Меметов А. Крымскотатарский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Энциклопедия. Т. 2. – М., 2001. – С. 162 – 171.
16. Мусаев К.М. О глагольно-именных конструкциях в современном казахском языке. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. – М., 1956. –29 с.
17. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука. 1964. – 281 с.
18. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М., 1988. – 368 с.
19. Тумашева Д. Г. Татарский глагол. (Опыт функционально- семантического исследования грамматических категорий) – Казань, 1986. – 34 с.
20. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965. – 210 с.

21. Юлдашев А.А. К проблеме аналитизма в тюркских языках// Вопросы языкознания. – 1965. – №1. – С. 5–7.
22. Юнусалиев Б.М. Киргизская лексикология. Ч.1. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1959. – 248 с.
23. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань, 1986. – 28 с.
24. Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка. – Казань, 1985. – С. 24-35.
25. Deny J. Gramaire de la langue Turk. – Paris. 1921. – 23 p.
26. Jankovski H. Gramatyka języka krymskotatarskiego. Poznan, 1992. – P.23-25.
27. Jespersen O. Grown and structure of the English Language. 4 ed., revised. Leipzig, Teubner, 1923. 1V, – 259 p.

Бекірова Л.І. Теоретичні питання дослідження минулого часу дієслова дійсного способу в сучасній кримськотатарській мові

У статті досліджуються теоретичні питання, що стосуються минулого часу дієслова дійсного способу сучасної кримськотатарської мови. У ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові являє собою складну і різноманітну за граматичною структурою і семантикою систему.

Установлено, що форми минулого часу утворюють дві групи, об'єднані формою і загальною схемою – позначенням минулого часу: дві синтетичні і дев'ятнадцять аналітичних форм. Таким чином, у сучасній кримськотатарській мові нараховується 21 форма минулого часу. Усі вони з різним ступенем уживаності функціонують у сучасній мові.

Ключові слова: морфологія, дієслово, семантика, минулий час, кримськотатарська мова.

Bekirova L.I. Theoretical questions of research of the Indicative Mood of the Past Tense verbs in a modern Crimean Tatars language

For the first time in the article the theoretical questions concerning the Indicative Mood of the Past Tense verbs in the modern Crimean Tatar language are explored. During research is established, that the category of the Indicative Mood of the Past Tense verbs in Crimean Tatar language represents composite and diverse system on grammar structure and semantics .

It is established, that the forms of the Past Tense make two groups, integrated by form and common sem – notation of the Past Tense: two synthetic and nineteen analytic forms. Thus, in modern Crimean Tatar language 21 forms of the past tense are included. All of them with a miscellaneous degree of common use operate in a modern language.

Key words: morphology, verb, semantics, the past tense, Crimean Tatar language.

Стаття поступила в редакцію 12 марта 2007 г.